

МИНИСТЕРСТВО ЦИФРОВОГО РАЗВИТИЯ,
СВЯЗИ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ
ИМ. ПРОФ. М.А. БОНЧ-БРУЕВИЧА»
(СПбГУТ)

Юридический адрес: набережная реки Мойки,
д. 61, литера А, Санкт-Петербург, 191186

Почтовый адрес: пр. Большевиков, д. 22, корп. 1,
Санкт-Петербург, 193232

Тел. (812) 3263156, Факс: (812) 3263159
<http://sut.ru>

E-mail: rector@sut.ru

ОКПО 01179934 ОГРН 1027809197635

ИНН 7808004760 КПП 784001001

ОКТМО 40909000

15.05.2025 № 5/И
на № _____ от _____

УТВЕРЖДАЮ

И.о. проректора по научной работе

А. В. Рабин

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора исторических наук, профессора
Измолика Владлена Семеновича на диссертацию Резанова Андрея Дмитриевича
«Политический сыск в Архангельской губернии, 1867-1917 гг.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1 – Отечественная история

Спецслужбам Российской империи, занимавшимся политическим сыском в XIX – начале XX вв., посвящены многие сотни работ. И, тем не менее, количество этих исследований лишь возрастает. Практически каждая из них добавляет в общий багаж новые знания. Тем самым, будем надеяться, создается постепенно основа для создания по-настоящему научной истории этого важного элемента государственного аппарата, отражавшего появление новых явлений общественной жизни и стремление власти, удачное или не очень, реагировать на них в сфере политической безопасности. Именно региональные исследования истории политического сыска могут создать надежную основу для появления на новом уровне обобщающих работ в масштабе всей страны.

Прежде всего, отметим четкое обоснование объекта и предмета исследования, его хронологические рамки. Особо следует сказать об актуальности темы. В гуманитарных исследованиях актуальность, как правило, присутствует в двух измерениях: историческом и современном. Мне представляется, что в данном случае мы наблюдаем историческую актуальность, которая помогает нам понять реалии политического сыска императорской России на протяжении 50 лет в губернии, служившей местом ссылки политических преступников.

Формулировка цели и четырех задач диссертации дает возможность комплексно рассмотреть объективные и субъективные факторы, влиявшие на всю систему политического сыска в отдельной губернии с ее региональными особенностями, его место в общей государственно-политической системе, рассмотреть его эволюцию на протяжении 50-ти лет. Не вызывают сомнений хронологические и территориальные рамки диссертации.

Работа строится по хронологическому принципу. Цель работы и четыре сформулированные задачи охватывают весь комплекс диссертации. Также следует согласиться с основными положениями, выносимыми на защиту. Безусловная ее новизна определяется тем, что впервые на основе совокупности известной литературы и новых документов комплексно изучается механизм функционирования и эволюции Архангельского губернского жандармского управления в тесной связи с рассмотрением его взаимодействия с другими бюрократическими структурами губернии и на фоне ключевых тенденций внутренней политики империи этого времени.

Положительно следует отметить, что в методологическую основу исследования положен принцип, базирующийся на использовании различных подходов: модернизационного, концепции «политического сыска» как исторического явления; историко-генетического, историко-критического, сравнительно – исторического, типологического, системного и структурного методов, что в совокупности дает возможность более детально, как отмечает дис-

сертант, рассмотреть различные грани деятельности АГЖУ. При этом каждому подходу дана краткая характеристика.

Особое внимание уделено терминологии, разграничению понятий «сыск» и «розыск». Андрей Дмитриевич, анализируя работы В.С. Измозика, Ф.М. Лурье, З.И. Перегудовой, указывает, что «Политический сыск» относительно истории XIX-начала XX вв. традиционно рассматривается в двух значениях: как систематическая борьба самодержавия с революционным движением и прочими внутренними угрозами, и как совокупность ведомств, ведущих эту деятельность» (С.28). В его понимании это неверно и эти понятия следует разделить следующим образом: «политический сыск понимается ... как система ведомств по борьбе с «внутренней угрозой», и как сама борьба, включающая активные методы (проведение дознаний, следствия, отдельные розыскные мероприятия, привлечение агентуры) и пассивные (наблюдение, надзор, межведомственная переписка). ... «политический сыск» в терминологическом плане – это конструкт, представляющий собой единство функции, органа и деятельности. Под «розыском» же понимаются оперативно-розыскные мероприятия, являющиеся инструментом системы политического сыска». (С.29). Таким образом, розыск предстает частью политического сыска.

Можно приветствовать эту очередную попытку разобраться с понятиями «сыск» и «розыск». Но я обращаю внимание исследователя на работы юристов, посвященные данному вопросу. В юридическом законодательстве XV-XVIII вв. понятия «сыск», «суд» и «розыск» разграничивались, но в XVIII в. «сыск» уходит в прошлое, а основной формой уголовного процесса становится «розыск». В Сыском приказе, созданном в 1730 г., тяжкие преступления «ведались розыском» (Стус Н.В. Сыск, суд и розыскной процесс в законодательстве России XV-XVIII веков // Общество и право. 2014. № 4. С.311-312). Т.е., уже здесь идет смешение этих терминов. В итоге, как отмечает другой специалист, «термин ... «розыск» ... стал специальным юридическим термином в законодательстве ... впредь до первой половины XIX в., а начиная со второй его половины до наших дней – основой научного термина, ко-

торый употребляется в правовых науках как форма судопроизводства. Исходя из этого термины «сыск» и «розыск» в своем отношении стали рассматриваться как синонимы [Курсив наш-В.И.]. В 1908 г. был принят закон «Об организации сыскных частей», а 11 марта 1917 г. при Министерстве юстиции было создано Бюро уголовного розыска, куда вошли прежние сыскные отделения. (Ядевич А.А. К вопросу об этимологии понятия «розыск» в теории оперативно-розыскной деятельности // Борьба с преступностью: теория и практика: материалы II Международной научно-практической конференции (Могилев, 27 февраля 2014 года). Могилев. Высш. колледж МВД Респ. Беларусь, 2014. С. 173–175).

Относительно того, что «следует считать неточным слово «спецслужбы» по отношению к органам политического сыска указанного периода, так как оно скорее характеризует ведомства XX-XXI вв. и имеет, таким образом, «модернизирующее» свойство для исследователя» (С.29), можно заметить, что мы по отношению к государствам средних веков употребляем, например, термины «внутренняя и внешняя политика», хотя люди того времени этих выражений не знали и ими не пользовались.

Диссертант утверждает, что его работа «является первым монографическим исследованием губернских органов политического сыска, их структуры и служебной деятельности: от учреждения до расформирования» (С.31). Но существуют такие работы, как М.А. Алексеева. Новгородское губернское жандармское управление. 1867-1917 гг. Новгород, 1917; А.В. Белова. Тамбовское губернское жандармское управление (1867-1917 гг.). Тамбов, 2008 и другие подобные исследования. Сам автор отмечает, что «Диссертационные работы современных историков строятся на материалах различных губерний: северо-западных, центральных, поволжских, сибирских. (С.18). Поэтому следовало указать в чем отличие представленной диссертации от подобных ей.

Материал в разделах работы, в основном, расположен равномерно: Введение – 33 с., Глава I – 87 с., Глава II – 92 с., Заключение – 7 с. Подобным образом, в основном, обстоит дело и с параграфами внутри глав. Каждая из

глав завершается выводами, в сжатой форме четко отражающими ее основное содержание. В историографическом обзоре (С. 15–22) можно выделить две группы работ: общая историография политического сыска Российской империи и региональная историография губернских жандармских структур. Здесь автор показывает свое хорошее знакомство с имеющейся литературой по данной теме. Однако при упоминании работ И. Симбирцева и П.А. Кошеля следовало подчеркнуть, что они практически не содержат сносков на источники и не дают читателю знаний о библиографии темы, тем самым резко снижая их значение. Для работ И. Симбирцева вообще характерна компиляция, переходящая в плагиат.

Характеристика источниковой базы, показывает, что исследование, которое мы обсуждаем, – результат тщательной работы диссертанта над избранной темой. Здесь использованы документы и материалы 15 фондов двух государственных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Государственного архива Архангельской области. Значительное количество архивных источников вводится в научный оборот впервые. В данном случае, значимую роль играют источники личного происхождения: мемуары функционеров сыска, а также их противников – политических ссыльных. Но было бы желательно подробнее указать, какие дела просматривались полностью, какие выборочно. Интересны материалы местной неофициальной периодической печати: газеты «Северный листок», «Архангельск» и «Голос Севера». Важно, что диссертант не стремится сделать вид, что он ознакомился с этими изданиями за все годы их существования, а указывает, что в первую очередь его интересовали тексты выпусков, изданных в революционные периоды 1905-1907 и 1917 гг. (С.29). В целом же, корпус источников, на наш взгляд, достаточно репрезентативен.

Первая глава диссертации включает три параграфа. Первый параграф «Институциональное оформление жандармской организации и ее положение в системе политического сыска России до 1880 г.» посвящен изложению того, как складывалась структура политической полиции в Империи в целом и

конкретно в Архангельской губернии, включая перемены в положении, штатах и обязанностях жандармских команд под влиянием экономических и общественно-политических изменений. Диссертант приходит к выводу, что «результаты «Великих реформ» Александра II вызывали необходимость как можно точнее определить статус жандармерии, зафиксировать ее юридические полномочия, место в общегосударственной системе, ... то есть, сделать функционал чинов КЖ более понятным, известным обществу». (С.49). Здесь же отмечаются особенности Архангельской губернии, в которой «в 1860-1870-е гг. не проводилась судебная реформа, то есть не было гласных принципов судопроизводства, в рамках которых жандармы обязывались проводить предварительное расследование. Но власть не спешила вводить изменения, зато, разрешив чинам АГЖУ вести дознания по делам о государственных преступлениях, по сути, повысила их уровень, как если бы правоохранительная система в губернии уже была реформирована». (С.55-56).

В параграфе 1.2 «Структура и деятельность жандармского ведомства в Архангельской губернии в период подчинения III Отделению императорской канцелярии» главное внимание сосредоточено на нескольких аспектах повседневной жизни и деятельности Архангельского жандармского управления: бытовые условия жизни жандармской команды, наблюдение за ссыльными, отношения с местной администрацией. Хотя новое «Положение» 1836 г. обозначало необходимость пребывания чинов в казармах, но на деле «окончательное решение вопроса о расквартировании архангельской жандармской команды растянулось почти на 30 лет» (С.62).

В условиях роста революционно-демократического и национально-освободительного движения правительство все активнее использовало северные территории как место ссылки. Если в 1860 г. в губернии имелось 78 ссыльных (С.67), то к 1877 г. под надзором состояло уже 638 человек (С.72). В ситуации ограниченного количества личного состава, к началу 1879 г. 29 чинов (С.78), организовать реальное наблюдение было делом нелегким. Зачастую образованные ссыльные занимали в Архангельске государственные

посты. К этому добавлялись сложные отношения с местной администрацией, в том числе с некоторыми полицейскими чинами. Поэтому диссертант обращает внимание на психологическую характеристику руководителей АГЖУ.

Само название параграфа 1.3. «Служба политической полиции региона в 1880-1905 гг.: расширение сыска и рост социальной напряженности» подчеркивает нарастание социально-политического кризиса в Империи и его отражение в Архангельской губернии. В этой связи сначала дается обзор реформирования политического сыска в Империи, а затем начинается изучение отражения этих мероприятий в Архангельской губернии. Недостаточность штатов, сложные природные условия, отсутствие секретной агентуры приводило к тому, что «Качество общей работы жандармского ведомства неминуемо снизилось к 1905 г.» (С.102). Сохранялась проблема отношений с полицией. Одновременно возросла активность политических ссыльных. В результате сделан общий вывод, что «Увеличив численность и укрепив внутренние и внешние связи, местные ссыльные перешли к прямой политической активности». (С.119), а «момент для необходимого повышения опыта местных жандармов и их адаптации к новым условиям с выявлением угроз, был потерян в период 1897-1902 гг.» (С.122).

Глава 2. Региональный политический сыск в период кризиса Российской империи. 1905-1917 гг. также состоит из трех параграфов. В первом из них «2.1. Деятельность жандармских чинов Архангельской губернии в условиях Первой российской революции 1905-1907 гг.», рассказывая о событиях 1905-1907 гг., Андрей Дмитриевич подчеркивает, что АГЖУ столкнулось с массовым крестьянским движением в Шенкурском уезде, с забастовками на ряде предприятий, с уличными демонстрациями, что было, как представляется, во многом неожиданным для местных властей. Едва ли можно принять за истину донесение начальника АГЖУ полковника А.Ф. Соболева в ДП, что «местное население весьма легко поддается вредному развращающему влиянию со стороны ссыльных» (С.124). Трудно поверить, что имевшиеся в губернии в 1905 г. 425 ссыльно-поднадзорных (С.124) смогли развратить в по-

литическом смысле значительную часть населения. Скорее здесь можно увидеть естественное стремление обезопасить свое служебное положение. Не случайно губернатор Н.Н. Качалов, анализируя волнения, отметил, что «цель крестьян добиться увеличения земельного надела и освободиться от тяжелой экономической зависимости от Уделов» (с.137), т.е. он понимал, что одними репрессивными мерами эту проблему не решить.

АГЖУ явно не справлялось с необходимостью развивать агентурную работу, вести филерское наблюдение за представителями революционных партий. Кстати, диссертант отмечает, что многие из ссыльных, «будучи образованными людьми, сыграли значительную роль в ликвидации неграмотности местного населения, в его общем культурном развитии». (С.127). На фоне беспорядков, столкновений с ранениями и гибелью людей с обеих сторон исследователь указывает, что «все-таки главной «кадровой проблемой» для АГЖУ являлся подполковник И.Д. Петровский, не раз попадавший в разного рода происшествия», которому начальник АГЖУ в начале 1906 г. дал разгромную характеристику (С.147).

В параграфе 2.2. «Региональный политический сыск и жандармский надзор за массовыми движениями в 1907-1914 гг.» Андрей Дмитриевич указывает на важность личностного фактора в организации службы. По его мнению, новый начальник АГЖУ полковник Н.И. Мочалов «представлял именно тот тип руководителя политического сыска, который был необходим губернии с точки зрения ДП в условиях реакции» и поэтому «он пробудет в должности начальника более семи лет» (С.160). В результате «Практически с нуля была выстроена система наружного (филерского) наблюдения, внедрены агенты в различные уезды, что позволило покончить с большинством «вредных» организаций» (С.182).

В параграфе 2.3. «Проблемы функционирования губернских жандармских структур в 1914-1917 гг.» ситуация в губернии и изменение задач АГЖУ тесно увязаны с ситуацией Первой мировой войны и возникшими новыми проблемами: шпиономания, растущая роль Архангельского транспорт-

ного узла. По мнению автора, «Перед АГЖУ вполне четко очертились две насущные военные проблемы – необходимость усиления охраны расширявшейся транспортной инфраструктуры и борьба с потенциальными актами шпионажа и диверсий, то есть, контрразведка» (С.186). Одновременно новый начальник АГЖУ Е.П. Флоринский в октябре 1915 г. докладывал, что революционных организаций и явных очагов брожения «не имеется никаких». Архангельская губерния «остается во многом темной, отсталой, исключительно крестьянской, но вместе с тем и чисто русской, крепкой народным духом и преданностью царю» (с.191).

Как же справлялось АГЖУ с основными задачами этого периода? Андрей Дмитриевич отмечает, что «Участвуя в нагнетании германофобии, ... политическая полиция проблематизировала местные межэтнические отношения, что в итоге лишило Н.И. Мочалова должности» (С.197). Последний начальник АГЖУ А.Н. Кормилев в августе 1916 г., вскоре после назначения на должность, отмечал, что «многие из унтер-офицеров не только не знают мест жительства многих должностных лиц и их фамилии, но и адресов некоторых правительственных зданий» (С.196). К этому следует добавить несколько серьезнейших взрывов в порту с большими человеческими жертвами, хотя непонятна их причина: реальные диверсии или обычная халатность и нарушение техники безопасности при работе с взрывчатыми грузами.

В Заключении подчеркивается, что «на примере АГЖУ, как типичного ведомства региональной политической полиции, можно проследить основные вехи развития системы в целом. Запаздывание в реформировании и введении передовых методов работы определялось как объективными, так и субъективными факторами» (С.215). Это географические особенности Архангельской губернии, а также то, что «на Севере долгое время практически никак себя не проявляло революционное движение» (С.216). В результате в годы революции 1905-1907 гг. «ссылные стали не просто авангардом политических процессов, а их инициатором» (С.217). В целом же, «местная политическая полиция справлялась с возложенными обязанностями, что доказы-

вается подавлением революционных процессов и достаточно спокойной ситуацией вплоть до Первой мировой войны» (С.219).

Следует также отметить ценность шести Приложений, дающих важные и интересные дополнительные сведения по данной теме.

Подводя итог, следует сказать, что автор представленного труда стремится на основе большого массива фактических данных воссоздать объективную реальность того времени. Диссертация наталкивает на серьезные размышления о создававшейся в указанный период государственной системе. Прежде всего, это запаздывание с решением целого ряда социально-экономических проблем, что, в конечном счете, приводило к политическим последствиям, делая органы политического сыска их заложниками.

Таким образом, рассматриваемая диссертация представляет собой комплексное научное исследование важной научной проблемы, имеющей актуальное значение, выполненное в целом на основе большого комплекса источников. Вместе с тем, высоко оценивая работу в целом, нам представляется необходимым высказать ряд замечаний и пожеланий.

В работе идет смешение понятий «перлюстрация» и «цензура». Приведем следующий пассаж: «Разъясняя «Положение о полицейском надзоре» 1882 г., МВД обращало внимание, что просмотру подлежат не только письма, но и посылки для ссыльных, причем в губернском городе **перлюстрация** [Курсив наш-В.И.] становилась обязанностью начальника ГЖУ, а в уездах – исправников» (С.106). Относительно 1881 г.: «В виду необходимости **перлюстрации** [Курсив наш-В.И.], для АГЖУ был установлен порядок вскрытия почтовой корреспонденции ссыльных (С.116). Таким образом, во всех этих случаях речь идет не о перлюстрации (тайном просмотре корреспонденции), а о почтовой цензуре.

Тезис, что «Качество общей работы жандармского ведомства неминуемо снизилось к 1905 г., в то время как социальная напряженность в губернии нарастала» (С.102), требует разъяснения причин этого. В целом ряде случаев, как представляется, присутствует недостаточно критическое отношение к

материалам АГЖУ. Вполне понятно, что субъективно чины АГЖУ были настроены негативно по отношению к оппозиционерам любого толка. И это, конечно, отражалось в их донесениях и рапортах. Во-вторых, донесения и отчеты наверх, как правило, имеют целью показать активную работу и указать на проблемы, не зависящие от пишущих (недостаток денег, штатов, помехи со стороны других структур и т.п.). Это следовало учесть Андрею Дмитриевичу при анализе источников.

Приведем ряд примеров. Например, в 1905 г. «подполковнику Петровскому стало известно, что Петербургский комитет РСДРП послал в губернию четырех человек для «определенных занятий» (С.126). Насколько эти сведения были верны? Известно ли что-либо об этих людях? Относительно кровавого столкновения 18 октября диссертант, анализируя рапорт подполковника Петровского, оправдывавшего «патриотов», считает невозможным провокацию со стороны власти (С.129-130), но оставляет за скобками то, что полиция и жандармы не воспрепятствовали этому инциденту. К тому же, остаются неизвестными результаты следствия по этому делу, в ходе которого были убиты два человека.

В 1907 г. «губернатор отметил, что ссыльные пагубно влияют на общую обстановку, повышая число уголовных преступлений..., а «ссыльные терроризируют население» (С.143). Но конкретные примеры отсутствуют. Когда губернатор Н.Н. Качалов назвал события в Кеми 12 апреля «уличной демонстрацией с агитационными речами», даже подполковник Петровский был вынужден «прекратить дознание, так как счел, что революционные мотивы «скопища» не доказаны» (С.143).

Автор отмечает, что «При проверке качества стрельбы в ноябре 1907 г. жандармы АО ЖПУ показали 28% попаданий из винтовки и 53% из револьверов» (С.152). Возникает вопрос, чем объяснить резкое снижение боевой подготовки личного состава по сравнению с 1878 г., когда при стрельбе из револьверов уровень попаданий составил 80 % (С.79)?

Что означает тезис: «В результате всех проведенных обысков и арестов 16 июня 1907 г. колония политических ссыльных в Архангельске «полностью ликвидировала свои дела» (С.155). Иногда утверждения на разных страницах противоречат друг другу. На с. 169 сообщается, что «жандармы имели собственных осведомителей как минимум с начала XX века», но несколько ранее, (с.157) цитируется рапорт полковника А.Ф. Соболева от 16 февраля 1907 г., что налицо «отсутствие агентуры в силу неразвитости навыков специального политического розыска» (С.172-173).

Относительно Первой мировой войны, насколько реальны здесь были случаи шпионажа и диверсий? «В случае с пожаром на складе фирмы «Герард и Гей» речь уверенно шла о диверсии» (С.200). Отсюда вопрос: Что там хранилось и каков был размер убытков? Боцман парохода «Барон Дризен» сознался в диверсии (С.203), но кто был заказчиком остается неизвестным. На с.194 сообщается, что КРО и АГЖУ «совместно следили за шведом Сиблундом, который, **возможно**, [Курсив наш-В.И.] перевозил на моторном боте шпионов за границу» (С.194). Чем закончилась эта слежка?

Обозревая итоги деятельности АГЖУ к 1914 г. диссертант делает вывод, что «В Архангельской губернии по итогам политического розыска реакционных лет был нанесен «весьма ощутимый» удар большевикам» (С.183). Возникает вопрос: «А различали ли жандармы губернии в это время большевиков, меньшевиков и другие фракции РСДРП, поскольку до этого подобные сведения отсутствуют?».

Хотя диссертация в целом написана хорошим литературным языком, к сожалению, встречаются описки, ошибки, неудачные стилистические выражения.

Эти частные замечания и пожелания не могут изменить общей высокой оценки работы. Основные результаты диссертационного исследования отражены в восьми печатных работах, четыре из них в научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ. Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации. Положения диссертации

соответствуют паспорту специальности 5.6.1. – Отечественная история в следующих областях исследования: п.4 – История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п.16 – История российских революций; п.23 – Россия в крупнейших международных конфликтах.

Работа, представленная А.Д. Резановым на соискание ученой степени кандидата исторических наук, полностью соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук, согласно пунктам 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842 (в редакции от 11.09.2021 г.), а ее автор, А.Д. Резанов, достоин присуждения учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1 – Отечественная история.

Официальный оппонент

Доктор ист. наук, профессор,
профессор кафедры истории и регионоведения
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет
телекоммуникаций
им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»

7 апреля 2025 г.

В.С. Измозик

Контактные данные:

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича»

Адрес: 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 61, литера А

Телефон: 89119410117

Электронный адрес: izmozik@mail.ru

